

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

МЕНТАЛЬНОСТЬ: МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ И ФИЗИЧЕСКИЕ ПРОГРАММЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

В.А. Яковлев

МГУ им. М.В. Ломоносова

«Философия должна быть всесторонней и смелой, чтобы предлагать гипотезы о Вселенной, которые наука всё ещё не в состоянии ни подтвердить, ни опровергнуть».

Б. Рассел

«В лице “нашего сознания” мы имеем бытие не только сознаваемое, но и подлинно сущее – бытие, которое не противостоит нам, а есть в нас и с нами».

С.Л. Франк

Введение в историю проблемы

В настоящее время ментальное бытие субъекта концептуально рассматривается в триаде основных бинарных оппозиций: «разум – рассудок», «память – воображение», «эмоции – воля». Соответственно, сформировался и триединый комплекс когнитивных наук – традиционно гуманитарных, логико-математических и естественно-технических. Систематизация и классификация этих наук является особой, довольно сложной и дискуссионной проблемой современной методологии науки.

Однако в истории философии ментальное понималось в основном как сознание и разум, принципиально отличающие человека от всех других живых существ. Как известно, так называемый основной вопрос философии, собственно, и заключался в онтологическом плане в постулате первичности сознания («линия Платона») или материи («линия Демокрита»). Но сам термин «сознание» в Античности фактически не использовался. Греки больше предпочитали философствовать о душе – её природе и динамике. Демокрит

говорит о душе как особой целостности «атомов огня», которая необратимо распадается после смерти человека, хотя и не сразу («...даже трупы имеют душу»). У Платона в «Тимее» мировая душа – это одна из трансцендентальных сущностей, участвующая в творении мироздания и анимирующая весь космос, включая и саму Землю («...эту почтеннейшую из божеств»). Благодаря мировой душе существуют и души людей, которые могут бытийствовать отдельно от тела, обитая на звёздах, и мистическим образом приобщаться там к миру идей. После смерти человека душа или возвращается на звезду, или, в зависимости от земных прегрешений, попадает в Аид, а то и в Тартар. Но затем опять-таки находит новое тело – метемпсихоз, довольно близко напоминающий учение о сансаре в Упанишадах. Так как космос у Платона ограничен и замкнут, наподобие шара, хотя и с большим радиусом, то количество душ тоже ограничено и постоянно. Можно, таким образом, утверждать, что Платон первым в истории философии и науки формулирует, хотя, может быть, и в неявном виде, важный физический закон сохранения, но в парадоксальной для физики форме – закон сохранения душ.

Аристотель отказывается от идей анимизма и реинкарнации в философии своего учителя. Духовностью Стагирит наделяет только мир живой природы («Душа есть первая энтелехия естественного тела, обладающего в возможности жизнью»). Создаётся, так сказать, иерархическая классификация душ – растительная, животная, человеческая. В последнюю первые две входят как необходимые компоненты и умирают вместе с телом. Но ум, разумная душа – это то общее, что присуще и человеку, и богу, – бессмертное и вечное. Ум есть теоретическое созерцание и «форма форм», знание в возможности, которое предшествует знанию в действительности. В итоге Стагирит через свою психогносеологическую теорию формулирует рационалистический подход к объяснению когнитивных (ментальных) процессов, к которым нередко как главным сводилось и сводится понимание сознания.

Христианство, сохранив многое из учений античных философов о душе, вводит и важные новации. Согласно «отцам церкви», именно наличие души выделяет человека из животного мира. Душа каждого человека уникальна, даётся ему Богом и бессмертна. Душа обладает свободой выбора, хотя и в определённых пределах. Первородный грех первых людей, грехи каждого человека, споры о масштабности искупительной смерти Иисуса Христа (за всех людей или только за избранных) порождают метафизическую дилемму страха и надежды, которую Гегель образно охарактеризовал как «несчастное сознание» человека Средневековья.

В эпоху Возрождения и Реформации проблема человеческой духовности конкретизируется в свете трёх основных бинарных ценностных ориентаций: клерикализм – секуляризм, гуманизм – эггитизм, эпикуреизм – ригоризм («разорванное сознание», по Гегелю).

Понятия сознания и самосознания появляются в философских учениях Нового времени. Первым аналитиком онтологии (метафизики) сознания стал Р. Декарт, «основоположник новоевропейской философии» (Гегель).

Понятие сознания у Декарта нередко сближается с понятием мышления, которое трактуется предельно широко. «Под словом «мышление» (*cogitatio*), – пишет он в «Началах философии», – я разумею всё то, что происходит в нас таким образом, что мы воспринимаем его непосредственно сами собою; и поэтому не только понимать, желать, воображать, но также чувствовать означает здесь то же самое, что мыслить» [1, с. 240].

Суть рационалистической концепции Картезия раскрывается в понятиях интеллектуальной интуиции и врождённых идей. Предвосхищая идеи «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна, Декарт утверждает, что надо брать такие объекты, о которых наш ум (сознание) может составить ясные и очевидные представления. В качестве основного инструмента познания выдвигается интуиция. «Под интуицией, – пишет Картезий, – я разумею не веру в шаткое свидетельство чувств и не обманчивое суждение беспорядочного воображения, но понятие ясного и внимательного ума, настолько простое и отчётливое, что оно не оставляет никакого сомнения в том, что мы мыслим или, что одно и то же, прочное понятие ясного и внимательного ума, порождаемого лишь естественным светом разума и благодаря своей простоте более достоверное, чем сама дедукция...» [1, с. 274–275].

Эта *интеллектуальная интуиция* принципиально отлична от традиционного, прежде всего средневекового, понимания интуиции как некоего мистического божественного озарения души, просветления, ниспосланного непосредственно свыше.

На основе понятия интуиции философ выдвигает важный методологический принцип *привилегированного доступа субъекта к собственному сознанию по отношению к внешнему миру*, облик которого может искажаться ввиду несовершенства органов человеческих чувств. Декарт полагает, «если кто-нибудь задаётся целью исследовать все истины, познание которых доступно человеческому разуму... то он, вероятно, поймёт... что ничто не может быть познано прежде самого интеллекта, а не наоборот» [1, с. 280].

В сознании, по Декарту, кроме врождённых идей существуют и априорные аксиомы, которые также играют роль методологических креативов познания. Это, например, аксиомы тождества, транзитивности, непротиворечивости. Согласно Декарту, количество таких истинных врождённых постулатов не поддаётся исчислению, но основным среди них является первично достоверяемое сознанием «*cogito ergo sum*» – исходное начало всякого познания. Здесь важно отметить, что врождённость не означает актуального наличия в сознании данных понятий и аксиом, полностью готовых к использованию с момента рождения индивида. Врождённость понимается Декартом как некая потенциальность, диспозиционность, которая реализуется (актуализируется) посредством активной мыслительной деятельности. Таким образом, Декарт выдвигает методологический *креатив интенциональной, синергийной, спонтанной активности сознания*.

Декарт полагает, что активизировать своё сознание с целью познания врождённых безусловных истин субъект может и должен сам путём посто-

янного самообразования и углублённых размышлений. Французский философ предвосхитил, как будет показано далее, в своих методологических принципах некоторые разрабатываемые в настоящее время подходы к исследованию сознания.

Из последующих философских учений отметим следующие идеи, связанные с проблематикой сознания. Спиноза выдвигает идеи бесконечного разума и человеческого сознания как его особого модуса, а также полагает свободу воли лишь видимостью при рабской зависимости человека от страстей души. Локк вводит понятие рефлексии как механизма анализа внутреннего духовного опыта. Лейбниц выделяет особые монады-души, связывающие человека с животным миром. Он вводит также понятие апперцепции (самоуглубление в структуру сознания) и описывает бессознательное как периферию рационального. Юм подвергает критике понимание сознания в качестве субстанции и рассматривает его под углом зрения непрерывного потока ассоциативных связей. Французские философы-просветители (Дидро, Ламетри, Гольбах, Гельвеций), исходя из принципа всеобщей чувствительности материи («...и камень чувствует» – Дидро), рассматривают сознание как продукт эволюции природы, свойство высокоорганизованной материи – мозга, которое безвозвратно утрачивается со смертью тела.

В немецкой классической философии проблема сознания анализируется в связи с априорными структурами трансцендентального субъекта (Кант), конструированием «яйностью» фундаментальных структур науки (Фихте), эволюцией и инволюцией идеального трансцендентального начала в природе (Шеллинг), пертурбацией форм субъективного духа (Гегель), процессом отчуждения и возведением в религиозный абсолют определённых антропных характеристик (Фейербах).

Марксизм развивает взгляды французских материалистов-просветителей, вводя в качестве фундаментальных принципов для объяснения сознания принцип отражения, принцип первичности материи (бытия) и материального единства мира, а также диалектически дополняющий отражение принцип креативности («...сознание не только отражает, но и творит мир» – Ленин).

Большое внимание онтологии сознания уделяют философы иррационалистического и религиозного направлений. Кьеркегор анализирует феномены страха и свободы как фундаментальные элементы экзистенциальной структуры сознания и его уровни. Акцентируя внимание на модусе воли, с прямо противоположных позиций рассматривают её роль в структуре жизни Шопенгауэр и Ницше. Фрейд «погружает» сознание в «океан» бессознательного, делая «либидо» ответственным не только за психические комплексы (деменции), но и за культуру в целом. Бергсон же, напротив, возводит сознание в некое всеобщее мистическое начало, которое даёт импульс творческому порыву, конструирующему и одухотворяющему мироздание. Гуссерль пытается через «эпохе» и интенциональность «пробиться» к эйдетическим сущностям сознания, представив его как трансцендентальную реаль-

ность, конституирующую смыслы вещей, поступков и социальных институтов. Экзистенциалисты акцентируют внимание на структуре и онтических истинах сознания, наделяя его абсолютной свободой и испытывая в «пограничных ситуациях».

Подводя итог данной части статьи, необходимо сказать, что, несмотря на всё разнообразие подходов к анализу проблемы сознания в истории философии, их объединяет одно – стремление разрешить проблему «чисто» философскими (аналитическими) средствами. Иначе говоря, идущий из Античности посыл «Познай самого себя» казался мыслителям вполне реализуемым ввиду непосредственной очевидной данности и переживания психического.

Однако в настоящее время становится всё более ясно, что путь к познанию сознания лежит через познание природы. И хотя в современной философии сохраняется аналитический подход к проблеме сознания, но его сторонники в своих рассуждениях и выводах с необходимостью учитывают результаты исследований в новом сложившемся комплексе когнитивных наук.

Современные направления исследований проблемы сознания

Наиболее известная на сегодня программа, условно называемая аналитической, включает большую группу активно полемизирующих друг с другом авторов. Это Х. Патнем (теория тождества физических состояний мозга и его ментальных явлений «qualia») и близкий ему по взглядам Д. Дэвидсон, разработавший теорию множественных интерпретаций материальных событий в мозге. Другие аналитики считают, что на проблему «mind – body» в настоящее время принципиально нельзя дать удовлетворительный ответ (К. Макгинн, Т. Нагель и др.).

Джон Сёрл, полагая, что в наши дни именно философия сознания взяла на себя роль «первой философии», рассматривает сознание как системный феномен, порождаемый мозгом и сравнимый с таким свойством материи, как текучесть. Отдельные молекулы воды нельзя назвать текучими, но когда они собраны вместе, текучесть обнаруживает себя. Так и совокупность нейронов выявляет их общее комплексное свойство – сознание.

Особое внимание привлекает теория Дэвида Чалмерса, который остро поставил так называемую «трудную проблему сознания» – почему не все ментальные процессы идут в «темноте», а сопровождаются идеальными «квалиа». Согласно Чалмерсу, ментальные состояния есть особая реальность, не совпадающая с функциональными схемами, а лишь скоррелированная с ними. Философ считает, что ментальные состояния зависят от физических функциональных схем. Однако на основе принципа «каузальной замкнутости» физического мира, иначе говоря, исходя из того, что все физические события имеют физические же причины, он отрицает возможность обратного влияния ментальных состояний на физические процессы, проте-

кающие в структурах мозга (концепция, называемая самим Чалмерсом как «натуралистический дуализм», имеющая корни в теории «эпифеноменализма» Т. Гексли).

Все указанные теории были подробно и критически рассмотрены в отечественной философской литературе. Так, Н.С. Юлина считает, что проблема сознания, несмотря на резко усилившееся внимание к ней со стороны философов и учёных, остаётся в статусе «Великой тайны», впрочем, как и многие другие проблемы мироздания. Однако в таких вопросах, как происхождение Вселенной, строение материи, природа времени, пространства, возникновение жизни и др., есть, по крайней мере, согласие, «...что все они подвластны научному рациональному изысканию. Что касается тайны сознания, то здесь царит замешательство: не ясно, с какой стороны к ней можно подходить и какими средствами раскрывать. Должна ли этим заниматься философия, или когнитивная психология, или биология, или физика, или какая-либо новая междисциплинарная отрасль знания?» [2, с. 126].

С точки зрения Н.С. Юлиной, все вышеназванные теории не могут прийти даже к общей точке зрения, «...что следует считать фактом сознания...» [2, с. 128], а характеризуют сознание в самых общих и расплывчатых терминах. Однако аналитическая традиция в разработке проблемы сознания продолжает интенсивно развиваться. Отметим несколько наиболее типичных, на наш взгляд, современных определений сознания.

Так, Дж. Сёрл в истолковании сознания важнейшей считает его характеристику как *субъективной реальности*, поскольку в принципе неустранимо его описание от первого лица, – «...сознанию присуща неэлиминируемая субъективная онтология» [3, с. 70].

Д.И. Дубровский определяет сознание следующим образом: «Под явлением сознания имеется в виду любое актуально переживаемое сознательное состояние, любой произвольно взятый интервал сознательного состояния, несущий многообразные психические модальности (чувственную, логическую, эмоциональную, волевою и т.д.). Каждый такой интервал “содержателен”, есть отображение каких-то явлений внешнего и внутреннего мира. Сознание интенционально, оно не бывает “пустым”, есть результат избирательного отражения. В этом смысле оно представляет собой информацию о чем-то, которая присуща данному индивиду» [4, с. 138].

Важно подчеркнуть, что, разрабатывая информационный подход к сознанию, Д.И. Дубровский постулирует функциональную зависимость информации от состояний мозга – нейродинамических кодов. Иначе говоря, информация рассматривается в «узком» смысле как содержание ментальных явлений. По мнению философа, после расшифровки генетического кода на повестке дня стоит расшифровка мозгового нейродинамического кода. Решение этой задачи, по мнению Д.И. Дубровского, вполне реальное и не столь далекое.

В.В. Васильев ставит задачу «уточнить онтологический статус сознания», понимая под ним в широком смысле ментальное вообще. При этом в

ментальное включает большой набор субъективных состояний, в том числе и «квалиа» [5, с. 15]. Примерами бессознательных «qualia» являются как неинтенциональные состояния, например радость или боль, так и «пропозициональные установки» – желание, убеждение и др.

Отметим здесь также категоричность отрицательной в целом оценки В.В. Васильевым состояния исследований проблемы сознания. По его мнению, «...философия сознания занимает уникальное место среди современных философских предметов, и уникальность эта состоит в ложности всех наиболее известных и влиятельных теорий в этой области» [5, с. 55]. Правда, автор не теряет надежду и предлагает свою теорию, анализ которой требует отдельного подробного анализа, подробный критический анализ которой был дан Д.И. Дубровским (см. [6]).

По сути, однако, все указанные авторы согласны с определением сознания как специфической субъективной реальности. Однако в содержательном плане их определения фактически повторяют определение мышления Декарта, процитированное в начале статьи. На наш взгляд, основная методологическая ошибка всех вышеуказанных подходов состоит в том, что индивидуальное сознание принимается как исходный фундаментальный факт, который стараются объяснить исходя из него самого. Но если это – нечто, действительно фундаментальное, типа физических констант, то тогда и объяснять его надо по принципу – «так устроен мир». Если же «хочется» какого-то сущностного определения, то, согласно методологическим канонам, необходимо выйти в более широкий теоретический контекст, иначе говоря, сформулировать гипотезу, из которой существование индивидуального сознания вытекало бы с необходимостью путём дедукции, а затем, следуя принципу фальсификации К. Поппера, подвергать эту гипотезу рискованным испытаниям.

Ещё одна программа – информационно-синергетическая, – по моему мнению, наиболее перспективная, находится в стадии становления и в силу своей новизны вызывает наиболее острые дискуссии (см. [7]).

Её специфической особенностью является то, что сознание рассматривается как *объективная информационная реальность со своими определёнными причинно-следственными связями (так называемая информационная, или ментальная причинность) и синергетическими атрибутами (нелинейность, нелокальность, спонтанность, бифуркационность, резонансность, аттрактивность и др.)*.

В разработке этого подхода определяющую роль играют физические дисциплины. Направление этим исследованиям было положено академиком В.Л. Гинзбургом, который в Нобелевской лекции выдвинул тридцать особенно важных и интересных проблем физики и астрофизики XXI века. Кроме того, он специально отметил ещё три «великих» проблемы физики: «это: во-первых, вопрос о возрастании энтропии, необратимости и «стреле времени». Во-вторых, – это проблема интерпретации нерелятивистской квантовой механики... В-третьих – это вопрос редукции живого к неживому, то есть

вопрос о возможности объяснить происхождение жизни и мышления на основе одной физики» [8, с. 346].

Очевидно, что все эти «великие» проблемы взаимосвязаны и могут быть решены лишь системным образом. В настоящее время понятие «стрела времени» в той или иной форме интерпретируется в различных науках. Учёные размышляют о телеологичности, диспозиционной заданности, телеономичности химико-биологических процессов, лежащих в основе генезиса и развития живых организмов, их направленной ускоренной цефализации, опережающей в целом морфологические изменения и дающей возможность в кратчайшее время выйти на уровень разумной жизни (В.И. Вернадский о «принципе Дана», Р. Том, А. Лима-де-Фариа, С.Д. Хайтун).

В космологии с помощью понятия сознания абстрактного наблюдателя («трансцендентального субъекта», говоря языком И. Канта) объясняется «тонкая» настройка универсума на основе известных фундаментальных физических констант, делающих в принципе возможным появление жизни и человека – имеются в виду «сильный антропный принцип» и «информационная матрица» развития Вселенной (С. Хоукинг, Б. Картер, И.Л. Розенталь, В.В. Казютинский).

В многочисленных интерпретациях квантовой механики учёные также привлекают понятие сознания для объяснения корпускулярно-волнового дуализма и редукции («коллапса») волновой функции (так называемая «многомировая концепция» Г. Эверетта, Дж. Уилера, Б. Де Витта). Допускается существование в принципе бесконечного числа классических миров, а то, что каждый наблюдатель осознает лишь один из них, объясняется как бы расщеплением (разделением) его сознания, появлением неких «двойников» наблюдателя в каждом из миров.

Наиболее интересной в данном отношении представляется в настоящее время концепция сознания известного физика М.Б. Менского. Соглашаясь со своими предшественниками, что редукция является чужеродным понятием в квантовой механике, поскольку главное уравнение Шредингера имеет линейный характер, физик рассматривает мозг как квантовую систему, а сознание отождествляет с актом выбора альтернативы при измерениях квантовой системы.

Концепция М.Б. Менского уже анализировалась в печати (см. [9]). Поэтому ограничимся замечаниями, связанными с одной из последних его публикаций. Обсуждая связь между тремя «великими» проблемами, поставленными В.Л. Гинзбургом, учёный делает акцент на проблеме интерпретации квантовых измерений: «Я постараюсь показать, как связи между «тремя великими проблемами» выглядят в свете... той или иной интерпретации квантовой механики» [10, с. 415]. Актуальность проблемы жизни и мышления определяется бурно развивающейся прикладной областью – квантовой информатикой. М.Б. Менский считает, что среди многочисленных современных интерпретаций квантовой механики качественно различаются традиционная копенгагенская (Н. Бор) и многомировая (Г. Эверетт), которую он и

развивает в своей так называемой Расширенной концепции Эверетта (РКЭ). «Принять ту или иную интерпретацию, – считает учёный, – значит объяснить квантовую реальность тем или иным образом» [10, с. 416].

Исследователь на основе теории декогеренции подвергает сомнению основной постулат копенгагенской интерпретации – редукцию состояния, или коллапса волновой функции. Автор приходит к заключению, что все компоненты суперпозиции, существовавшие до измерения, продолжают существовать и после неё, хотя и претерпевают изменения. Редукции не происходит, что и соответствует, по его мнению, смыслу уравнения Шредингера.

С точки зрения М.Б. Менского, «нужно говорить не о различных классических мирах, а о различных классических состояниях одного-единственного мира и о суперпозиции этих состояний» [10, с. 420]. «Стрела времени», таким образом, оказывается существующей только в сознании наблюдателя.

Шаг в углублении концепции Эверетта, по мнению М.Б. Менского, состоит в отождествлении сознания с разделением альтернатив. Поскольку физики не могут объяснить «разделение альтернатив», а философы, физиологи и психологи – «сознание», то имеет смысл объединить их и сделать общим для квантовой физики и гуманитарных наук. Поскольку сознание выбирает, это означает, что при квантовом измерении в определенном смысле реальность не просто познается, а творится. Различается сознание в целом как нечто, способное охватить весь квантовый мир, и индивидуальное сознание, которое субъективно воспринимает лишь одну альтернативу. В состоянии частично «погашенного» индивидуального сознания (сон, медитация, транс) неполным становится и разделение альтернатив. Иначе говоря, перегородки между ними становятся «прозрачными», и сознание может заглянуть в другие миры. Принятые в РКЭ положения дают возможность объяснить *свободу воли* как выбора субъектом из всех имеющихся в суперпозиции сценариев поведения «тех альтернатив, которые кажутся ему привлекательными (например, тех, которые благоприятны для жизни)» [10, с. 422].

Через возможность «заглядывания» в другие миры РКЭ объясняет также и абсолютную необходимость сна для человека, «творческое озарение» и «вероятностные чудеса». «Таким образом, – заключает М.Б. Менский, – в квантовую теорию проникает сознание, а с ним и *феномен жизни*» [10, с. 422].

В интересах выживания организма сознание разделяет квантовый мир только на классические миры, как локально предсказуемые. Во время сна сознание проникает в «другие реальности», «субъект сравнивает альтернативы друг с другом и получает возможность выбрать ту альтернативу, которая наиболее благоприятна для жизни и здоровья» [10, с. 423].

Сознание, находясь в пограничном состоянии, анализирует, модифицирует альтернативы с целью выбора наиболее благоприятных для жизни, что в итоге и ведёт к убыванию энтропии в сфере живого. «В конце концов,

можно считать, что квантовое сознание перекидывает *мост между материей и духом* [10, с. 423].

Теория М.Б. Менского является новой попыткой введения сознания в интерпретационную картину квантовой механики и свидетельствует об интуитивном понимании физиками метафизической значимости фактора креативности сознания. Однако, с методологической точки зрения, мне кажется необходимым подчеркнуть следующие моменты. Понятие сознание, не теряя своего метафизического статуса, определённого Декартом, постепенно становится и важным концептуальным элементом в теоретической физике, поскольку выступает как связующее звено мега-, мезо- и микрокосмоса. Онтология сознания приобретает новую универсальную значимость. Иначе говоря, известный антропный принцип, используемый в космологии, таким образом, становится мировоззренческим принципом.

В данном контексте антропный принцип, или принцип сознания, являясь новой интерпретацией философских идей Нуса, Логоса, Единой мыслящей субстанции, Абсолютной идеи и др., в то же время наделяется некоторыми авторами, можно сказать, статусом Демиурга. Сознание выступает как носитель «духовного генетического кода» и «представляет собой, – как считают А.В. Иванов и В.В. Миронов, – не только опосредованную физическим действием, но и непосредственную материальную силу в Космосе» [11, с. 471].

Однако дальнейшим шагом по включению понятия сознания в физические концепции должна быть процедура его операционализации, как это произошло с такими метафизическими в свое время понятиями, как масса, энергия, движение, магнетизм и др. Вряд ли можно согласиться с М.Б. Менским, что при отождествлении редукции и сознания («двух непонятных феноменов») они будут объяснять друг друга, поскольку станут более «прозрачными». В анализируемой работе, как, впрочем, и в других авторских публикациях, непроработанным, как представляется, остаётся, прежде всего, понятие «сознание в целом». Не вполне ясно, как определяется модус его существования; каким образом ему удастся охватить весь квантовый мир, в котором существует в принципе бесконечное количество классических миров; как оно соотносится с индивидуальным «нашим сознанием».

Непонятно также, на каком этапе фило- и онтогенеза сознание становится способным к выбору между альтернативными классическими мирами, если и антропология, и психология считают, что сознание есть продукт как исторического, так и индивидуального социализированного развития.

Невыясненным остаётся и механизм связи мозга как квантовой материальной системы с сознанием как системой идеальной. То есть не решается так называемая проблема «первого нейрона», ответственного за «запуск» суперсложной системы мозга, с помощью которого порождается «квалиа» и осуществляется контакт идеального с материальным.

Заметим, что проблема порождения идеального материальным не может быть решена и в рамках концепции Д.И. Дубровского. Аналогия с расшиф-

ровкой генотипа не проходит, поскольку разворачивание генетической программы происходит на основе принципа «каузальной замкнутости» – физическое (биологическое) причинно обуславливает другое физическое (биологическое). В случае даже полной расшифровки нейродинамических кодов, что, на мой взгляд, является делом очень отдалённого будущего, если вообще осуществимо, всё равно останется та же декартовская проблема – каким образом физическое (нейродинамические цепи) порождает «квалиа» и, соответственно, каким образом «квалиа», если это не эпифеномены, могут вызывать физические действия.

Говоря о состояниях «приглушённого сознания» (сон, транс, медитация), М.Б. Менский предлагает выйти за пределы существующих физических стандартов проведения опытов в сферу наблюдения над индивидуальным сознанием, априори принимая, что сознание действительно влияет на вероятности событий. Новая методология, по его мнению, должна допускать эксперименты с индивидуальным сознанием. При этом, с точки зрения физика, важно учитывать идеи и опыт различных направлений восточной философии, которые ориентируют человека непосредственно на работу с собственным сознанием, например, дзен-буддизм, различные практики медитации и вхождения в транс. «Стрела времени», как уже отмечалось, оказывается чисто субъективной, поскольку константна суперпозиция всех возможных миров и состояний сознания. Но если к этому добавить и «опыт иллюминативного знания» европейских мистиков от Б. Клервоского, М. Экхарта до Я. Бёме, а также, в определённой мере, В.С. Соловьёва и Н.А. Бердяева то, очевидно, можно полностью потерять критерии рациональности физической науки.

Данный подход критикуется не только философами, но и физиками. Важные замечания сделаны академиком В.Л. Гинзбургом. Он, дистанцируясь от известной солипсистской точки зрения Ю.П. Вигнера, сомневается и в правомерности позиции М.Б. Менского: «В конкретном плане не понимаю, почему так называемая редукция волновой функции как-то связана с сознанием наблюдателя» [12, с. 413].

Непонятно также вообще, насколько правомерно можно проводить редукцию объектов макромира к квантовым системам. Известно, что ещё задолго до появления квантовой механики «вульгарные материалисты» предположили, что «мозг выделяет мысль так же, как печень – желчь», но это ничуть не прояснило проблему сознания. Автор принципа неопределённости Э. Шредингер, выдвинув известный «парадокс кота», впоследствии, однако, пришел к выводу, что процедуры квантовой механики не должны применяться к чему-нибудь столь большому и сложному, как животное. И хотя далеко не все учёные согласны с этим, на сегодняшний день более взвешенной и перспективной выглядит, по нашему мнению, позиция известного физика и математика Р. Пенроуза. «Я убежден, – пишет он, – что необходимо вполне серьезно рассматривать возможность того, что квантовая механика просто неверна, когда ее применяют к макроскопическим телам» [13, с. 262].

Главное состоит в том, что Пенроуз рассматривает сознание как соединительное звено между микро- и макромиром, для понимания устройства и функционирования которого требуется открытие нового закона. Это выгодно отличает позицию Пенроуза от исследователей, лишь констатирующих объективность обоих миров.

В англоязычной философской литературе активно обсуждаются различные интерпретации квантовой механики, включая их возможности в плане признания каузальной значимости сознания в микромире и возможности сопоставимости роли «квалиа» с фактором измерительного прибора, вызывающим коллапс волновой функции. Однако дискуссии, как показывает анализ, проходят в целом в русле всё той же концепции Эверетта [14; 15].

На мой взгляд, если последовательно развивать позицию Пенроуза о соединительном звене, то сознание можно определить как высшую форму реализации креативного информационного потенциала универсума. Появление этой формы носит эмерджентный характер, но в то же время является итоговым результатом перманентного усложнения когнитивных структур живых организмов.

До сих пор продолжают дискуссии о природе информации – является ли она атрибутом всех материальных объектов, или свойством живых, самоорганизующихся и самоуправляющихся систем, или же есть функция сознания только человека.

Так, Г.М. Верешков и Л.А. Минасян считают, что «понятие самоорганизации телеономично, ибо содержит в себе целеполагание на сохранение», а «сложность гетерогенного вакуума, по меньшей мере, одного порядка со сложностью биологических систем» [16, с. 329]. Привлекая также понятие информации и утверждая, что «в физике информационные поля известны давно... информационные поля в физике есть» [16, с. 331], авторы довольно рискованно, на мой взгляд, «увязывают» решение проблемы эволюции Вселенной с эволюционной концепцией жизни и сознания. Непонятно также, что они понимают под информационными полями.

Можно ли предложить новый подход к пониманию природы информации? Если считать, что креативный потенциал присущ всему универсуму, то каждый объект в нем, включая и мозг человека, должен обладать определенной информационной ёмкостью. Информационная реальность является первичной по отношению к физической вещественно-энергетической реальности и по отношению к индивидуальной идеально-смысловой реальности человека. «Квалиа» при таком подходе надо рассматривать как феноменологическое (эмпирическое) доказательство этой реальности.

Поэтому не вполне корректны часто задаваемые аналитиками вопросы: как мозг порождает сознание и почему он порождает его? Возможно, мозг не порождает сознание, а является лишь его физической (вещественно-энергетической) оболочкой, будучи сформированным по определённой информационно-генетической программе. Индивидуальное сознание – это информационная микроячейка существующей информационной матрицы уни-

версума, его своеобразный фрактал. «Квалиа» – это «рабочие органы» сознания для заполнения ячейки новой для индивида информацией в ходе его жизненного цикла, что традиционно и рассматривается как процесс обыденного познания. Философская аналитика и физика неразрывно связаны и взаимодополнительны в плане понимания информационной реальности сознания (см. [17; 18]).

В этой связи привлекает позиция А.П. Ефремова, который считает, что «можно говорить об объективности математических структур и отношений, то есть о независимости математики от человека» [19, с. 112]. Человек лишь открывает эти структуры, но не создаёт их. А.П. Ефремов пишет: «Человеческое сознание можно рассматривать как вид прибора для обработки информации: её получения, хранения, передачи. Но, в отличие от технических устройств, человек способен также осмысливать полученную им информацию (реализовывать функцию понимания), а также создавать новую информацию» [19, с. 112–113].

Однако если человеческие пять чувств получают из внешней среды «неоцифрованные» сигналы и поэтому как физические приборы оказываются очень неточными, то при математическом способе передачи, считает учёный, информация в принципе не искажается, если, конечно, не допускаются чисто математические ошибки. Сознание в таком случае, как своего рода антенна, настраивается на «прямой» приём и передачу информации.

С точки зрения исследуемой в статье проблемы, важно подчеркнуть, что метафизическими принципами для такого хода мысли учёного являются: 1) представление об исходной фундаментальной реальности как информационном поле, существующем и развивающемся по определённым программам (по аналогии с уже хорошо известным Интернетом); 2) представление о сознании как высшем и необходимом этапе эволюции жизни, реализующей таким образом через математические структуры возможность прямой коммуникации с информационным полем Универсума.

Отметим – фундаментальной особенностью информационной реальности является то, что ни на одном уровне она не существует в «чистом» виде, а всегда кодируется вещественно-энергетической реальностью. В отношении физического мира её «узловые пункты» – это так называемые мировые константы (гравитационная постоянная, скорость света, постоянная Планка, и др.), которые, как известно, установлены эмпирически, но именно на их основе построены все современные физические теории. Недавнее открытие доминирующих, как оказывается, в мироздании тёмной энергии и тёмной материи предполагает возможность существования других неизвестных констант, которые в своей совокупности составляют базовое информационное поле, задающее все известные на сегодняшний день и ещё неизвестные науке программы развития Вселенной.

Особый вопрос – онтологический статус информации. Большинство исследователей рассматривает её в духе К. Шеннона как систему различий и отношений в абстрактном логическом пространстве. В этом смысле инфор-

мация есть везде, где «есть случайный и запомненный выбор одного варианта из нескольких возможных и равноправных» (Г. Кастлер). Н. Винер утверждал, что «информация – это информация, а не материя и не энергия» [20, с. 201]. То есть информацию нельзя свести ни к чему другому. Отсюда и получившее распространение выражение «информационное поле Вселенной».

«Введение представления об информационном поле Вселенной, – резонно считает В.А. Кушелев, – означает признание онтологического статуса за информацией и правомерность философского анализа этой реальности наряду с такими формами материи, как энергия и вещество, которые являются предметом исследования науки» [21, с. 75].

С этой точки зрения, никаких особых однозначно каузальных связей между мозгом и сознанием нет. И.В. Черникова справедливо, на мой взгляд, утверждает: «В когнитивной науке сознание это некий фильтр на пути информации, перерабатываемой нервной системой. Сознание является высшей когнитивной способностью, имеет информационную природу. Сознание не заключается в головах и не является «всепроникающим эфиром» в мире, а имеет функциональную природу, это многоуровневый феномен, в котором выделяются несколько слоёв» [22, с. 110]. Правда, автор почему-то не уточняет, *функцией чего* является сознание и *какие специфические слои* в нём выделяются.

Можно согласиться с Е.Н. Князевой, которая в ходе дискуссии о телесно-ориентированном подходе в эпистемологии утверждает: «В рамках телесного подхода сознание несёт в себе телесную природу, но это не означает, что оно может быть сведено к функциям мозга. Сознание есть эмерджентное свойство и мозга, и тела человека, то есть его свойства не выводимы и не могут быть предсказаны из свойств соматического уровня организации человека, включая и нейрофизиологические процессы в коре головного мозга и в центральной нервной системе» [23, с. 80].

Однако отметим, что под телесностью участники дискуссии понимают биологическую организацию человека, изучением когнитивной адаптацией которого занимается эволюционная эпистемология (К. Лоренц, Г. Фолльмер, Р. Ридль и др.). Но для современной физики телесность – это в целом вещественно-энергетическая, или квантово-полевая, реальность, к которой, как было показано выше, учёные и пытаются редуцировать сознание. Такая попытка вполне оправдана в плане нового метода экспликации сознания. В то же время здесь таится опасность того, что принято называть физикализмом, поскольку исчезает идеально-семантическая, смысловая, личностная составляющие телесной организации человека.

Никто еще не обнаружил информацию в чистом виде, без материального носителя. Хотя все согласны, что смысл и значение информации не зависят от характера самого носителя. Но реально в настоящее время наука знает только физические поля и вещественно-энергетические взаимодействия, а не «информационные нити», «информационные коды», «информационные по-

ля» и т.п. «В начале было слово», а слово – это всегда и материя, и эйдос. Вопрос – можно ли их взаимосвязь выразить в математически строгих формулах?

В целом, синтез физики и аналитики возможен при подходе к сознанию как определённом срезу (уровню, слою) информационной реальности. Информационно существуют когнитивные события, традиционно представляемые, можно сказать, в виде модулей сознания – мышления, чувственности, памяти, воли. Эти события имеют корреляционные связи с физическими полями, нейронами и всей клеточной структурой организма, социумом, а если учитывать физический принцип Маха, то и с Вселенной в целом. Каждое ментальное событие как уникальный субъективный опыт есть информационно-синергетическая сингулярность, которая «конденсируется» («компактируется») в речи. Используя язык физики, можно предположить, что через «говорение» и «писание» – своеобразные «приборные ситуации» – происходит редукция (коллапсирование) ментального события к его конкретной материальной фиксации (аналогия с измерительными процедурами в квантовой механике). Далекое не случайным представляется в данном контексте известный афоризм Ф.И. Тютчева: «Мысль изречённая есть ложь».

Для углубления философского анализа проблемы сознания необходимо осмыслить специфическую сущность информации как первичной, исходной реальности, объединяющей вещественно-энергетический носитель и идеально-смысловое содержание, и попытаться выразить это, используя математический аппарат теоретической физики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антология мировой философии: в 4 т. – Т. 2. – М., 1970. – С. 240.
2. Юлина Н.С. Тайна сознания: альтернативные стратегии исследования // Вопросы философии. – 2004. – № 10.
3. Сёрл Дж. Открывая сознание заново. – М., 2002.
4. Дубровский Д.И. Проблема идеального: Субъективная реальность. – М.: Канон, 2002.
5. Васильев В.В. Трудная проблема сознания. – М.: Прогресс-Традиция, 2009.
6. Дубровский Д.И. Трудная проблема сознания: (в связи с книгой В.В. Васильева «Трудная проблема сознания») // Вопросы философии. – 2011. – № 9. – С. 136–149.
7. Информационный подход в междисциплинарной перспективе // Вопросы философии. 2010. – № 2. – С. 84–112.
8. Гинзбург В.Л. «Физический минимум» – какие проблемы физики и астрофизики представляются особенно важными и интересными в начале XXI века? // Успехи физических наук. – 2007. – № 177.
9. Яковлев В.А. Метафизика креативности // Вопросы философии. – 2010. – № 6. – С. 44–54.
10. Менский М.Б. Квантовые измерения, феномен жизни и стрела времени: связи между «тремя великими проблемами» (по терминологии Гинзбурга) // Успехи физических наук. – 2007. – Т. 177. – № 4.
11. Иванов А.В., Миронов В.В. Университетские лекции по метафизике. – М.: Современные тетради, 2004.
12. Гинзбург В.Л. От редактора // Успехи физических наук. – 2005. – Т. 175.

13. *Пенроуз Р.* Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики. – Изд-во: УРСС, 2005.
14. *Rosenblum B., Kuttner F.* Quantum Enigma: Physics Encounters Consciousness. – N.Y., 2006.
15. *Armond Duwell.* Quantum information does exist // Studies in History and Philosophy of Modern Physics. – 2008. – 39. – P. 195–216.
16. Современная космология: философские горизонты / под ред. В.В. Казютинского. – М.: «Канон +», РООИ «Реабилитация», 2011.
17. *Яковлев В.А.* Сознание как информационная реальность // Философия сознания: Аналитическая традиция. Третьи Грязновские чтения: Материалы Международной научной конференции (6–7 ноября 2009 г.). – М.: Современные тетради, 2009. – С. 234–237.
18. *Яковлев В.А.* Аналитика и физика сознания // Философия физики: Актуальные проблемы. Материалы международной научной конференции 17–18 июня 2010 года. – М.: ЛЕНАНД, 2010. – С. 183–187.
19. *Ефремов А.П.* Вселенная в себе и пути познания // Метафизика. – 2011. – № 1.
20. *Винер Н.* Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. – М., 1968.
21. *Кушелев В.А.* Метафизика и физика о природе парадокса времени // Философия физики: актуальные проблемы: Международная научная конференция. Москва, 17–19 июня 2010 г.
22. *Черникова И.В.* Когнитивные науки и технологии // Эпистемология & философия науки. – 2011. – Т. XXVII. – № 1.
23. *Князева Е.Н.* Тело нашли, но и сознание не потеряли // Эпистемология & философия науки. – 2010. – № 3.